

чаем должна быть лишь слугой мужа, и, во-вторых, женщиной из низов. И она дерзнула заняться искусством пения! Сити не была заносчивой гордячкой, но она не была и чьей-либо рабыней. Она была свободна, сама строила свою судьбу.

Имя «Сити» в переводе значит «госпожа». И она стала царицей среди певцов Восточной Африки. Недоброжелатели ее не имели ни малейшего основания критиковать ее голос. Ведь он был безупречен, не стал слабее, не потерял своей прелести, даже когда Сити исполнилось 60 лет. Ей не было равных в искусстве пения. Поэтому враги могли лишь оскорблять ее намеками на ее низкое происхождение: «Сити бинти Саад, когда ты стала знатной? Ты пришла из деревни в одном лишь платье...» Они насмехались над каждой черточкой ее лица, старались поставить ей в упрек его заурядность. Это было обидно. Но Сити понимала: пусть нельзя изменить лицо по своему желанию, зато можно развивать и совершенствовать свой талант.

Она целиком посвятила себя музыке. Она пела ежедневно. Пела новые и новые песни — четыре тысячи за год. Это были песни самой разнообразной тематики, отражающие жизнь, быт и историю народов Восточной Африки. Она пела лирические и героические песни. Она и сама слагала их. В этом ее огромная заслуга. В то время песни на языке суахили были редким явлением на сценах городов. Но они должны были звучать, этого требовал народ. Чаения народа родили Сити, подняли ее на вершину славы.

Сити бинти Саад умерла в 1950 году. Но ее песни живут. Память о великой певице, которая была плоть от плоти, кровь от крови своего народа, бережно лелеют люди народа суахили. Она была скрипкой Восточной Африки. Ее голос продолжает звучать на ее родной земле.

Перевела с языка суахили
Н. СИДОРОВА

ЧИТАЯ ИКБАЛА...

К 25-летию со дня смерти

Н. ПРИГАРИНА

В АПРЕЛЕ этого года Икбалу было бы девяносто... Но он умер двадцать пять лет назад, оставив множество произведений почти во всех поэтических жанрах. Он писал философские, дидактические, лирические поэмы, стихи, четверостишия, сатиры, диалоги, псалмы. Его поэтическое наследие создано на двух языках: урду — его родном — и персидском.

Творчество его многогранно и противоречиво. Его философия совершенного человека, безграничного развития творческих возможностей человеческой личности пронизана гуманизмом, плодотворна. Приноровленная к конкретным условиям Индостана первой половины XX века, она будила умы от длительной спячки.

Он был религиозным человеком, его стихи полны обращениями к богу. Но сердце и разум его принадлежали земным делам, и, обращаясь к божеству, он требовал у него ответов на самые волнующие вопросы бытия.

Икбал — философ и общественный деятель, его жизнь неотделима от жизни народов Индии и Пакистана, от их борьбы за независимость, и вместе с тем Икбал — великий поэт Востока, гуманист и правдолюбец, провоз-

вестник светлого будущего азиатских народов.

Он жизнелюбив и светел духом, этот поэт, смело, как равный, беседующий с богом о мире и человеке, и взор его, радуясь, останавливается на каждом проявлении жизни.

Его поэзия проникнута возвышенным чувством любви, которая включает в себя творческую созидательную деятельность, стремление к совершенствованию, горячую заинтересованность в жизни своего общества. Произведения Икбала пронизывает мысль о самом высшем проявлении жизни — о человеке. Да, человек — традиционная горсть праха, комок глины, форма, заготовка. И бьется мысль над вечным вопросом: как совместить бренность этой оболочки и парение духа, как согласиться с этим противоречием? В упорном противопоставлении духа и тела и вместе с тем в понимании их единства Икбал поистине драматичен. И он не хочет объяснять достижения человека помощью и воздействием потусторонних сил. Пусть по сравнению с вечностью и богами человек — всего-навсего атом, но взгляните, как из ничтожных атомов складываются миры.

*Пустилась любовь в поиски,
встретился человек,
Он светится изнутри своей
бренной оболочки,
И солнце, и месяц,
и звезды можно отдать
За эту горсть праха,
наделенную сердцем.*

Но получает ли человек достойное воздаяние? Счастлив ли человек на земле?

*Сердце мира! Я отравлен,
я отравлен — крик его.
Разум плачет. Нельзя забыть-
ся: нет ни вина, ни опия.
И мулла, и дервиш, и султай,
и придворный —
Все хотят поправить дела
лицемерием и ханжеством.
На базаре глаз менялы
подлеповат и недобр.
И чем ярче блестит
мой бриллиант,
тем дешевле его оценят.*

Однако подобными строками еще далеко не исчерпываются бунтарские настроения поэта. Среди радостных и печальных произведений неожиданным громом среди ясного неба звучит стихотворение «Революция» — о притеснениях, которые испытывают все классы трудящихся, с полным черным списком тех, кто притесняет, — стихотворение плакатное, звонкое, с рефреном-криком: «Революция, революция! О революция!»

И настолько этот пламенный призыв подчеркнут приглушенным тоном окружающих стихов, что пройти мимо стихотворения «Революция» нельзя.

В этой благородной всташке, в этом вызове раскрывается еще одна черта поэта — его понимание своей роли «колокола на башне вечевой».

Нельзя читать Икбала, не подчиняясь волшебству и гармонии его строк. И трудно забыть его слова о самом себе, как о легко воспламеняемом тростнике, на который упала искра, а утренний ветер свеж и раздувает ее, и сухой тростник на ветру горит, как порох, и зажигает своим пламенем сердца других.